

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ БЫТИИ: ЕДИНСТВО СУИЦИДАЛЬНОГО И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Л.В. Удалова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Удалова Л.В., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-3-21-26

Аннотация. *Статья посвящена анализу экзистенциальной девиации как типа отклоняющегося поведения, укорененного в фундаментальных структурах человеческого бытия. Анализ причин указывает на то, что суицидальный и террористический типы сознания обнаруживают единство в том, как они относятся к смерти, Другому и смыслу жизни. Особое внимание уделено экзистенциально-философской интерпретации феноменов самоубийства и терроризма. Сделан вывод о том, что экзистенциальная девиация представляет собой форму радикального ответа на вызовы бытия, в которой деструкция себя и Другого становится способом обретения смысла. Выявление рисков и вызовов позволит разработать философские основания для превентивной стратегии, ориентированной не только на социальный контроль, но и на восстановление смысловой полноты человеческого существования.*

Ключевые слова: *экзистенциальная девиация, суицидальное сознание, террористическое сознание, суицид, терроризм, социальное бытие, смысл жизни, человек, пограничная ситуация.*

Введение. В современной социальной философии проблема девиантного поведения традиционно рассматривается в рамках социологического, психологического или юридического дискурсов. Тем не менее за рамками этих подходов остается фундаментальный вопрос: что происходит в самом ядре человеческого существования, когда человек избирает путь радикальной деструкции, направленной либо на собственное «Я» (суицид), либо на Другого (терроризм), либо на то и другое одновременно (суицидальный терроризм)? Ответ требует обращения к экзистенциальной философии, которая исследует человека в его предельных состояниях – ситуациях, где рушатся привычные смысловые опоры и обнажается онтологическая структура бытия [8].

В настоящей статье рассматривается концептуализация экзистенциальной девиации как особого феномена социального бытия, в котором суицидальный и террористический типы сознания обнаруживают онтологическое единство. Под экзистенциальной девиацией понимается такая форма отклоняющегося поведения, которая порождается не столько социальными или психологическими факторами (хотя они, безусловно, играют роль), сколько фундаментальным кризисом смысла, сопровождающимся радикальной трансформацией отношения к смерти, Другому и самой возможности бытия.

Актуальность темы обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, в условиях глобализации и цифровизации социальных процессов наблюдается рост различных форм деструктивного поведения, включая суициды, массовые убийства и террористические акты. Во-вторых, современные

исследователи все чаще фиксируют «экзистенциальный вакуум» – состояние внутренней пустоты, которое В. Франкл считал непосредственной причиной «ноогенных неврозов», т.е. неврозов, корнями которых становятся духовные и смысложизненные вопросы [7, с. 195–196]. В-третьих, традиционные подходы – социологические, психологические, криминологические – оказываются недостаточными для понимания мотивации субъектов, совершающих акты предельного насилия, поскольку они не учитывают экзистенциальное измерение человеческого существования [3].

Значимость проблемы заключается в том, что в современном мире терроризм выступает зеркалом общественных противоречий, где страх, идеология и экзистенциальный кризис переплетаются, формируя вызовы, которые невозможно преодолеть без философской рефлексии [5]. Проблема заключается в том, что социальные институты противодействия девиациям преимущественно ориентированы на внешний контроль и репрессивные меры, тогда как корни экзистенциальной девиации лежат в сфере смыслообразования, которая требует принципиально иных подходов.

Цель работы состоит в философской концептуализации экзистенциальной девиации как феномена социального бытия, обосновании структурного единства суицидального и террористического сознания на основе экзистенциально-философского анализа, а также выявлении импликаций данной концепции для социально-философской теории и практики.

Научная новизна заключается в обосновании категории «экзистенциальная девиация», синтезе философских подходов к суициду и терроризму с демонстрацией их онтологического единства, разработке типологии форм девиации по модальностям отношения к смерти и Другому, а также в обосновании дополнения социально-политических мер экзистенциально ориентированными превентивными практиками.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке концепции экзистенциальной девиации, которая расширяет понятийный аппарат социальной философии и позволяет по-новому осмыслить природу деструктивных феноменов современности. Предложенная концептуализация единства суицидального и террористического типов сознания открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке философии, социологии, психологии и политологии. Практическая значимость заключается в том, что выявление экзистенциальных корней девиантного поведения позволяет дополнить традиционные стратегии противодействия (правовые, административные, психологические) экзистенциально ориентированными превентивными практиками. К числу таких практик относятся философско-антропологическое образование, направленное на формирование устойчивой смысловой картины мира; развитие навыков экзистенциальной рефлексии как способа осмысления пограничных ситуаций; создание социальных институтов, обеспечивающих экзистенциальную безопасность личности.

Теоретико-методологические основания концепции экзистенциальной девиации. Концепция экзистенциальной девиации базируется на фундаментальном положении экзистенциальной философии о том, что человеческое существование (экзистенция) есть способ бытия, для которого собственное бытие является проблемой. Как подчеркивал М. Хайдеггер, человеческое присутствие (Dasein) онтологически отличается ото всех прочих сущих тем, что оно «озабочено» своим бытием [8, с. 117]. В этом контексте девиация предстает не просто как отклонение от социальной нормы, а как особый модус существования, в котором человек пытается разрешить (или, напротив, радикализировать) экзистенциальные противоречия.

Методологическое значение имеет подход Л.В. Басовой, в котором на основе экзистенциального анализа массовых вооруженных нападений в образовательных учреждениях можно сформулировать и уточнить ряд понятий и признаков, связанных с темой скулшутинга. Автор выделяет смысловые стадии и составляющие школьных расстрелов как «особый вид экзистенциальных преступлений, направленных не против отдельных личностей, а против представителей определенной «системы» (школы/колледжа/вуза), существование которых у нападающих вызывает ненависть, гнев на различной почве (от личных обид до презрения), приобретая всепоглощающий характер на фоне неспособности наполнения собственной жизни позитивными смыслами и ценностью. Экзистенциальное преступление (убийство) – это совершение насилия (убийства) для утверждения своего существования, преодоления «пустоты» бытия и устранения Другого как символа своего поражения. Самоубийство, совершаемое в актах скулшутинга, становится примером «бегства» от бессмысленного, абсурдного существования, отчаяния, от осознания собственной слабости, ничтожности на фоне притязаний на величие, успешность или власть» [1, с. 789]. Л.В. Басова фиксирует связь между неразрешенными экзистенциальными потребностями, дилеммами индивида и факторами, запускающими саморазрушительные механизмы личности, посредством которых индивид осуществляет «побег» от реальности на фоне транслируемой в цифровой среде агрессивности и легитимации насилия как способа преодоления проблем и самопрезентации [1].

Суицидальное сознание в зеркале экзистенциальной философии. Проблема самоубийства занимает центральное место в экзистенциальной философии. А. Камю в «Мифе о Сизифе» формулирует это с предельной ясностью: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [4, с. 335]. Для Камю самоубийство есть капитуляция перед абсурдом – признание того, что жизнь лишена смысла и не стоит усилий по ее проживанию.

Однако экзистенциальное понимание самоубийства не ограничивается признанием безысходности. Н.А. Бердяев связывает суицидальное сознание с эгоцентрической замкнутостью, отмечая, что человек, склонный к самоубийству, обращается к средствам того же мира, от которого он стремится уйти, поскольку утрачивает способность видеть в нем ценность и привлекательность. Самоубийца, по мысли философа, оказывается замкнутым в границах собственного «Я», что лишает его подлинной свободы. Именно эта эгоцентрическая замкнутость и отличает самоубийство от самопожертвования. Самоубийца остается привязанным к земным ценностям, хотя и отрицает их значимость; его уход из жизни – это не освобождение от мира, а признание поражения перед ним [2]. В этом контексте суицидальное сознание предстает как предельная форма эгоцентрической замкнутости, при которой мир теряет свою ценность не потому, что он объективно обесценен, а потому, что субъект утрачивает способность видеть в нем смысл, выходящий за пределы его собственного «Я».

Террористическое сознание как форма экзистенциальной девиации. Террористическое сознание, подобно суицидальному, укоренено в экзистенциальном кризисе. Как показано в исследованиях последних лет, многие радикализированные индивиды выглядят внутренне мотивированными к насилию как к способу придать смысл своей жизни. Терроризм, согласно этой точки зрения, есть не просто инструментальное действие, а экзистенциальный проект – попытка обрести значимость через акт радикального разрушения. Д. Хирш связывает религиозный радикализм с

психоаналитическим механизмом «меланхолической идентификации с павшим отцом» и жестоким «террористическим» супер-эго, что, по его мнению, приводит к суицидальным атакам [9, с. 107]. Этот анализ показывает, что террористическое сознание формируется через сложные процессы отчуждения и идентификации, в которых смерть Другого и собственная смерть становятся неразрывно связанными.

Ж.-П. Сартр, рассматривая проблему насилия в политической философии, подчеркивал, что экзистенциалистская концепция свободы допускает существование абсолютного выбора и фактически разрешает человеку проектировать в себе убийцу [6, с. 612]. Однако это не означает, что Сартр оправдывает террор. Напротив, он показывает, что свобода всегда сопряжена с ответственностью, а насилие есть способ уклонения от подлинной экзистенциальной ответственности.

Структурное единство суицидального и террористического типов сознания. Концептуализация единства суицидального и террористического типов сознания требует выявления их общих экзистенциальных структур. На основе проведенного анализа можно выделить следующие элементы этого единства.

Во-первых, оба феномена предполагают специфическое отношение к смерти. Для суицидального сознания смерть есть способ прекращения существования, лишённого смысла; для террористического – средство достижения цели, часто сакрализованной. Однако в обоих случаях смерть перестаёт быть просто биологическим фактом и становится экзистенциальным событием, через которое человек пытается разрешить фундаментальное противоречие своего бытия. М. Гей в исследовании массовых убийств-самоубийств выделяет в высказываниях исполнителей хроническое отчуждение, нарративный коллапс, моральный абсолютизм и сценарное исполнение, кульминирующее в ритуализированном финале и инсценированных актах, которые описываются как восстановительные или необходимые [10]. Это описание в равной степени применимо как к суицидальному, так и к террористическому типам сознания.

В работах Т. Джойнера (в частности, в его межличностной теории суицидального поведения) эти два феномена – суицидальное поведение и радикальные (в том числе суицидальные) террористические акты – рассматриваются через общую психологическую призму. Т. Джойнер подчеркивает, что суицидальное поведение часто связано с восприятием себя как бремени для других и утратой чувства принадлежности, и это создает уязвимость для радикальных форм саморазрушения, включая суицидальный терроризм [11]. В суицидальном поведении и в суицидальном терроризме просматривается психологическая уязвимость – острое чувство социальной изоляции, бессмысленности, ощущение, что личные страдания перевешивают любые возможные потери для других. Однако в случае терроризма к этому добавляется радикальная, агрессивная цель, где личная смерть становится инструментом решения внешних, коллективных задач.

Во-вторых, оба феномена укоренены в экзистенциальном вакууме – состоянии утраты смысла, которое В. Франкл считал характерным для современного человека и подчеркивал, что люди склонны к убийствам именно тогда, когда их жизнь лишена смысла [7]. Эта формула фиксирует глубинную связь между утратой смысла и деструктивным поведением – связь, которая объединяет суицид и терроризм.

В-третьих, и суицидальный, и террористический типы сознания характеризуются радикальной трансформацией отношения к Другому. Суицид и терроризм сближает то, как они выстраивают отношение к Другому. В случае самоубийства Другой устраняется из пространства смыслов: субъект замыкается на себе. При терроризме же Другой лишается человеческого статуса и превращается в мишень. При всех различиях результат общий – межличностная реальность разрушается, а вместе с

ней и сама возможность полноценного существования. Предельным выражением этого сходства выступает суицидальный терроризм, где оба типа сознания совпадают полностью. Здесь традиционное различие между убийством и самоубийством теряет определенность: трудно понять, где кончается стремление уничтожить другого и начинается желание уничтожить себя. Жертва и исполнитель меняются местами, граница между ними перестает быть очевидной.

Экзистенциальная девиация как вызов социальному бытию. Экзистенциальная девиация значима для социальной философии не столько своими деструктивными последствиями, сколько тем, что она вскрывает фундаментальные противоречия, заложенные в самом устройстве современного социума.

Современное общество переживает непростой этап социального развития, что неизбежно сказывается на системе «человек – мир», где экзистенциальная безопасность как возможность оставаться самим собой в ситуациях риска является ключевой. Угрозы экзистенциальной безопасности – рост эсхатологических настроений, терроризм – свидетельствуют о том, что современное общество производит экзистенциальные дефициты. В этих условиях экзистенциальная девиация становится своего рода «симптомом» социальной патологии, указывающим на глубинные дисфункции общественного организма. Особую роль в формировании экзистенциальной девиации играют процессы цифровизации и медиатизации. Побег от реальности осуществляется на фоне транслируемой в интернет-среде, в массмедиа и социальных медиа агрессивности и легитимации насилия как способа преодоления проблем и самопрезентации. Цифровая среда создает условия, в которых экзистенциальные кризисы получают новые формы выражения и распространения, а деструктивные сценарии поведения становятся легкодоступными для подражания.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Экзистенциальная девиация представляет собой особый тип отклоняющегося поведения, укорененный в предельных основаниях человеческого бытия. Структурное единство суицидального и террористического сознания обнаруживает себя в том, как эти формы сознания выстраивают отношение к трем фундаментальным экзистенциалам – смерти (осмысляемой не как биологический факт, а как событие бытия), смыслу (переживаемому как утрата либо коренная трансформация) и Другому (воспринимаемому сквозь призму разрушения межличностных связей). Условия глобализации и цифровой трансформации социальных систем порождают новые формы угроз, связанные с распространением экзистенциальной девиации. Контроль над этими процессами не может ограничиваться институциональными и репрессивными мерами. Необходима опора на практики смыслопорождения, экзистенциальной поддержки и воспитания способности к ответственному самоопределению.

Экзистенциальная девиация принадлежит к числу наиболее сложных и трагических вызовов, с которыми сталкивается современное общество. Ее философское осмысление позволяет не только уточнить природу разрушительных феноменов, но и очертить возможные векторы их преодоления. Исходным условием данной работы выступает признание двойственной природы человека – как существа одновременно социального и экзистенциального. Без учета последнего измерения любая профилактика девиаций остается неполной и поверхностной.

Библиографический список

1. Баева Л.В. Экзистенциальные источники скулуштинга и «колумбайна» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 3. С. 774–792.

2. Бердяев Н.А. О самоубийстве. М.: МГУ, 1992. 286 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. А.Н. Ильинского; под ред. В.А. Базарова. М.: Юрайт, 2025. 317 с.
4. Камю А. Бунтующий человек; Миф о Сизифе / пер. с фр. Е. Головиной, С. Великовского. М.: АСТ, 2026. 512 с.
5. Селезнев П.С., Абдурагимов З.Е. Терроризм как социально-философская проблема // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. № 15 (5). С. 133–138.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В.И. Колядко. М.: АСТ, 2024. 925 с.
7. Франкл В. Неврозы. Теория и терапия / пер. с нем. М. Матвеевой, О. Терентьевой. М.: МИФ, 2024. 304 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. М.: Ad Marginem Press, 2021. 452 с.
9. Hirsch D. Alienating Identifications and Religious Radicalism // Cahiers de Psychologie Clinique. 2017. Vol. 49. No. 2. P. 105–123.
10. Gay M. Moral Distortion and Narrative Death: an Existential Reading of Mass Murder-suicide // Mortality. 2026. P. 1–19.
11. Joiner T. Why People Die by Suicide. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. 288 p.

EXISTENTIAL DEVIATION IN SOCIAL BEING: THE UNITY OF SUICIDAL AND TERRORIST CONSCIOUSNESS

L.V. Udalova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article focuses on the analysis of existential deviance as a type of deviant behavior that is rooted in the fundamental structures of human existence. The analysis of the causes reveals that suicidal and terrorist consciousnesses share a common understanding of death, the Other, and the meaning of life. The article emphasizes the existential-philosophical interpretation of the phenomena of suicide and terrorism. It is concluded that existential deviance is a form of radical response to the challenges of existence, in which the destruction of oneself and the Other becomes a way of finding meaning. Identifying risks and challenges will allow us to develop philosophical foundations for a preventive strategy that focuses not only on social control, but also on restoring the meaningful fullness of human existence.*

Keywords: *existential deviation, suicidal consciousness, terrorist consciousness, suicide, terrorism, social existence, meaning of life, human being, borderline situation.*

Об авторе:

УДАЛОВА Лариса Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lv.udalova@mail.ru

About the author:

UDALOVA Larisa Viktorovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lv.udalova@mail.ru